

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

В. М. ШТЕЙН

КИТАЙ в X и XI вв.

В первой половине X в. в истории Китая идет усиленными темпами процесс глубокого внутреннего разложения централизованной феодальной монархии, достигшей апогея своего могущества в танский период. В 907 г. танская империя окончательно разваливается, уступив место многочисленным лоскутным государствам, разорвавшим на части бывший до того единым Китай. Этот смутный период, продолжавшийся 53 года (до 960 г.), привел к калейдоскопической смене правителей страны. Средний возраст правившей «династии» в эти годы не превышал 10 лет. Китайская официальная историография окрестила эти полвека политической смуты именем «5 династий и 10 государств». Царствовавшие в Китае правители, в сущности, являлись хозяевами лишь самой столицы (бывшей обычно в этот период в г. Бянь, современном Кайфыне, пров. Хэнань) и окружавшей ее небольшой территории. Новые политические образования возникали и гибли с исключительной быстротой.¹

К 960 г. вновь воскресает единое государство. Объединителем Китая на этот раз оказывается династия Сун, занимавшая престол более 3 веков (до 1276 г.). Период царствования этой династии распадается на две части: до 1126 г. под ее властью был сосредоточен почти весь Китай танского периода, с небольшими лишь территориальными потерями на севере и северо-западе. Начало этого периода характеризуется резким обострением классово-вой борьбы, что находит наиболее яркое отражение в восстании Ван Сяо-бо и Ли Шуня. Исключительный рост имущественного неравенства, помещичьей и ростовщической эксплуатации, диких форм крепостничества приводит к мощной крестьянской войне 993—995 гг., произошедшей в передовой в экономическом отношении крайней юго-западной провинции того времени Шу (части нын. пров. Сычуань). Восстание проходило под лозунгом имущественного уравнивания бедняков с богачами. Поднятое Ван Сяо-бо движение послужило сигналом для целого ряда аналогичных выступлений крестьянства в первой половине XI в.

Именно обострение социальных отношений, наряду с грозной внешней опасностью со стороны киданей, и было причиной выступления знаменитого реформатора конца XI в. Ван Ань-ши. Личность Ван Ань-ши и его деятельность долгое время воспринимались в ложном свете, так как исторические хроники того времени не пожалели красок, чтобы очернить реформатора. Лишь в последнее время начинает распространяться правильное понимание реформ Ван Ань-ши, который стремился изменить общественный порядок, приводивший к концентрации богатства и экономической власти

¹ Эти политические перемещения удачно представлены на карте у: А. Н е г г м а н н. Historical and Commercial Atlas of China. Cambridge, Mass., 1935, p. 41.

в немногих руках, равномерно распределить тяготы борьбы против иностранного вторжения между всеми группами населения и создать основу для более справедливого демократического социального устройства.

Реформы Ван Ань-ши встретили бешеное противодействие со стороны высших слоев бюрократии, боровшейся за свои привилегии. Ван Ань-ши не опирался на широкие слои населения, и величайшей его ошибкой было то, что он не рискнул посягнуть на помещичье землевладение и поэтому не сумел вовлечь в борьбу за свои реформы крестьянские массы. Реформаторские начинания Ван Ань-ши были задушены его противниками при дворе. Ничто уже не могло предотвратить политическую катастрофу.

В 1126 г. начинается второй период: полчища золотой орды чжурчженей захватывают столицу северных Сунов, династии приходится эмигрировать на юг. После кратковременного пребывания в Нанкине столица переносится в Ханчжоу (в нын. пров. Чжэцзян). Река Янцзы становится рубежом между Китаем и новыми хозяевами его северных провинций. Массовая миграция людей и богатств в южном направлении приводит к усиленному развитию производительных сил южного Китая. Лишь в конце XIII в. Китай объединяется вновь, но на этот раз созидателями могущественной империи были представители иноземной династии — монголы.

Такова внешняя канва китайской истории рассматриваемого периода. Перейдем теперь к более детальному ее анализу и начнем с аграрных отношений.

Аграрный строй Китая сунского периода нашел наиболее законченное и яркое воплощение в крупном, свободном от налогов и государственных повинностей поместье, находившемся в руках стоявшей у власти привилегированной земельной аристократии. В эту эпоху, благодаря значительной концентрации земельной собственности в руках землевладельческой верхушки, освобожденной от государственных налогов и повинностей, лишь 4% всех обрабатываемых в стране земель подвергались обложению.

Таким образом, государственная власть почти совершенно лишилась возможности собирать налоги с крестьян, земли которых перешли в руки феодалов. Между тем, селившиеся на казенных землях крестьяне, отдававшие впоследствии эту землю помещикам, становились обязанными в отношении последних вносить земельную ренту, достигавшую весьма высоких размеров.

Документы сунского периода очень ярко свидетельствуют об усилении наиболее кабальных форм зависимости крестьянства от собственников земли. Крестьяне часто подгоняли плетью и батогами, чтобы «приохотить» к работе, низводя их на положение рабов. Помещики пользовались правом закладывать и продавать сидящих на земле крестьян. Уровень земельной ренты обычно достигал 50%, а иногда повышался до 60—70%. Наиболее вероятный урожай с лучших земель в южном Китае достигал 2 и 3 ши риса с му земли. На севере, вследствие разницы в степени мелиорации земли и более примитивной техники ее обработки, урожай был несколько ниже.

Почти никогда земельная рента не снижалась больше, чем до одного ши риса. Поскольку крестьянин мог обработать до 30 му земли, ему оставалось около 30 ши риса, из которых не менее 18 непосредственно съедалось крестьянской семьей. Таким образом, подавляющая часть крестьянского урожая шла непосредственно на потребление.¹

¹ Та о С и - ш э н. Бэй сун чуиды цзин цзи цайчжэн-чжу вэнь ти. «Шихо бань юэ кань», 16 июня 1935 г., стр. 87.

Материальное положение крестьян было исключительно тяжелым. Даже известный представитель консервативной бюрократии того времени Сыма Гуан рисует в ярких красках нищету крестьянской деревни: «Крестьянские дома пусты и заброшены, семейства не имеют сильных сыновей. Старики тащат серпы и веревки, старухи — решета. У них, правда, есть поля, которые они арендовали у других. Поздно в ночной тиши все члены семьи молотят жатву очередями, чтобы избежать кредиторов... Мускулы и силы этих крестьян совсем изношены. У них нет ничего, чем они могли бы наполнить желудки. . . Окружные чиновники обнаруживают поспешность, собирая с них налоги. . .»¹

В результате такого крайне тяжелого материального положения крестьяне были вынуждены продавать свой хлеб по исключительно низким ценам, сразу после сбора урожая.

Один из предшественников Ван Ань-ши, талантливый писатель сунского периода, Ли Гоу очень ярко изображает картину зависимости крестьянина от ростовщика, которая становится еще более острой вследствие развития рыночных отношений.

Едва созреет первый колос, крестьянин ежедневно начинает нести зерно на рынок. Предложение велико, цены дешевы. По истечении короткого времени исчерпаны убогие запасы. Весною, когда он затем не имеет зерна для посева и собственного продовольствия, крестьянин опять бежит к купцу, но на этот раз, чтобы покупать дорогими деньгами.

Таким образом, когда крестьянин продает хлеб, рыночная цена риса оказывается дешевой, когда он покупает его, рис дорожает. Исстари в Китае была установлена правительственная система противодействия такому резкому колебанию цен, находившемуся в резком противоречии с крестьянскими интересами. Эта система заключалась в создании казенных амбаров и приобретении государством хлеба, когда он дешев, и реализации его при повышении цены. Однако в сунский период амбарная система совсем не достигала своей цели. Так, по указанию того же Ли Гоу, недостатки этой системы сводились к следующему: 1) приобретенных запасов хлеба недостаточно; когда амбары пусты, купцы снова начинают диктовать цены; 2) расстояния до амбаров в префектурах слишком велики; для крестьян отдаленных деревень либо издержки транспорта оказываются невыносимо тяжелыми, либо далекое путешествие вообще себя не оправдывает; 3) чиновники являются взяточниками, они зарабатывают на учреждении, имевшем первоначально благотворительный характер.² К этому следует прибавить указание немецкого синолога Франке, что в сунский период на казенные амбары вместе с задачей народного продовольствия возлагалась также задача снабжения зерном армии, и так как этот расход был очень велик, то амбары обычно были почти что пусты.³

В экономическом разделе (ши-хо) южносунской династической истории, наряду с обычными указаниями на усиление процесса «поедания» богатыми семействами бедняков и на забрасывание земли, дается следующая характеристика сложившихся земельных отношений. «Как все мы знаем, жизнь миллионов нашего народа зависит от зерновых (риса и проса), а производство зерновых зависит исключительно от земли. Но в настоящее

¹ Mabel Ping - Hua Lee. The Economic History of China. New-York, 1921, p. 265.

² Stefan B a l a z s. Ein Vorläufer von Wang An-Schi. Sinica, VIII. Jahrg., Heft. 5/6, Frankfurt a/M., 1933, p. 168.

³ O. F r a n k e. Staatssozialistische Versuche im alten und mittelalterlichen China. Sitzber. der Preuss. Akad. der Wissensch., Phil.-hist. Klasse, Berlin, 1931, p. 235.

время все плодородные поля находятся во владении влиятельных семейств и знати, так что некоторые из них получают рис в качестве ренты в размерах, достигающих миллиона мер ежегодно. С другой стороны, бедняки, обладающие 100 му земли, страдают от тягот общественных работ. Каждый год, когда окружные чиновники облагают это бедное население сотнями приемов, единственное, что им остается, — это предложить свою земельную собственность сильным семействам, чтобы избежать общественных работ (принудительного труда)». Из этого же источника мы узнаем, что крестьянин, передавший землю помещику, все же вынужден был нести бремя принудительного труда, в то время как владельцы земли — крупные чиновники — не подлежали никаким повинностям. Там же приводятся и другие данные, на основании которых можно сделать следующий вывод о характере аграрных отношений сунского периода: 1) наблюдалась усиленная концентрация земли в руках крупных феодалов; 2) феодальные поместья не участвовали в несении общегосударственных повинностей; 3) отношения между землевладельцами и крестьянами принимали внешнюю форму аренды, которая, однако, отличалась от капиталистической и была основана на внеэкономическом принуждении; высота земельной ренты была непомерной и, обогащая помещиков, доводила крестьян до грани нищеты; 4) крестьяне отбывали барщину в пользу помещиков. Не подлежит сомнению, что вся эта система производственных отношений отражает развитый феодальный строй. Крестьяне-арендаторы этого периода, в сущности, представляли собой не что иное, как крепостных своего помещика.

При Сун государственная власть не оставляла попыток наделения крестьян землею, как это делалось и при прежних династиях. Однако этим попыткам не было суждено оказать какое-либо влияние на строй аграрных отношений. В конце X в., около 996 г., был проделан опыт восстановления системы раздачи наделов. Правительство заявило особым эдиктом о своем намерении предоставлять землю, лежащую втуне, бродяжничающему населению. Земля была разделена на 3 класса по плодородию. Нормы наделения были определены от 100 до 200 му. Обложение должно было начинаться лишь с 5-го года после начала обработки земли. Размер налога определялся в 30% с дохода. Намечалось предоставление земли также для постройки домов, для огородов, насаждения деревьев и т. д. Эта система была провалена министрами того времени под предлогом, что она должна вызвать чрезмерные расходы для казны. Исторические хроники приводят слова императора: «Я хотел восстановить колодезную систему, но это невозможно». Несколько позднее, при императоре Жэнь Цзуне (1023—1063), период царствования которого считается «золотым веком сунской династии», был издан приказ, ограничивавший землевладение. Все чиновничество лимитировалось в смысле владения землею пределом в 30 цин (3 тыс. му) земли. Для некоторых категорий низшего чиновничества был установлен предел в 15 цин. Однако, как сообщают исторические документы, император вскоре «обнаружил, что политика ограничения была очень неудобна, и поэтому он отказался от нее». Таким образом, и политика равномерного наделения земель крестьян и политика установления максимальных пределов для землевладения в сунскую эпоху потерпели полную неудачу.

Правительственные эдикты, торжественно возвещающие готовность властей предоставлять землю всем нуждающимся в ней, рисуют показную сторону медали. Следует, однако, познакомиться и с обратной стороной, чтобы понять, почему приглашение селиться на казенных землях не встречало энтузиазма со стороны крестьян. Так, сообщение, относящееся к 996 г., указывает, что даже в непосредственной близости к столице обрабатывалось

только от двух до трех десятых земельной площади. Половина налогов оставалась несобранной, так как крестьяне вынуждены были прятаться от сборщиков податей и объявлялись находящимися в бегах. Хотя императорские эдикты призывали крестьян вернуться на брошенные земли, но беглецы прекрасно знали, что ожидает их по возвращении. Как только крестьянин вновь появлялся на своем участке, деревенский старшина был обязан уведомить об этом власти. В казенных книгах сейчас же делалась соответствующая пометка. На сцену появлялся неумолимый сборщик податей. В одном из докладов того времени красочно описывается обстановка, в которую попадал крестьянин, если он пытался вернуться из бегов на старое пепелище. «Крестьянин уходит из-за бедности, долгов и тяжелого обложения. Когда он скрывается, весь его домашний скарб, сельскохозяйственные постройки, тутовые насаждения, финиковые пальмы, деревья и прочее имущество поступают в продажу, чтобы уплатить налоги и долги кредиторам. Императорский эдикт приглашает его вернуться, но он возвращается уже на голый клочок земли».¹

Однако о сравнительном изобилии земли, предлагаемой государственной властью крестьянам, можно говорить только в отношении начала сунского периода. Население в эту эпоху росло быстро, и провал правительственной политики наделения землей был поэтому неизбежен. Надельная система могла существовать только в условиях наличия значительного фонда свободных земель, сосредоточивающихся в руках правительства. Вся система была построена на предположении, что после смерти крестьянина надел возвращается в казну, чтобы перейти затем в новые руки. Но по мере того как возрастало население и земля становилась все более ценным имуществом, к которому тянулось со всех сторон множество жадных рук, надельные земли, минуя казну, стали попадать к феодальной верхушке и консолидироваться в крупные поместья-латифундии. Китайское правительство, бывшее, естественно, лишь приказчиком своего хозяина, т. е. класса землевладельцев, оказалось вынужденным переменить фронт и признать банкротство своей надельной политики. Поэтому-то императору Жэнь Цзуну и пришлось «обнаружить», что меры по ограничению земельной собственности стали «неудобными».

Переходим к рассмотрению состояния промышленности в период династии Сун. Следует подчеркнуть две основные тенденции, проявившиеся в этой области в X—XI вв. С одной стороны, все чаще появляются сведения о сравнительно крупных предприятиях, далеко перерастающих за пределы, свойственные ремеслу, и позволяющие ставить вопрос о значительном развитии мануфактуры. Вероятно, изрядная часть этих предприятий принадлежала к типу казенных крепостных мануфактур. Однако несомненно, что увеличивается и значение промышленных единиц, использующих целиком или отчасти вольнонаемный труд. Развитие крупной промышленности, первые следы которой отмечаются еще в танский период, произошло на основе роста городской жизни, усиленного спроса на предметы роскоши со стороны двора и придворной аристократии и расширения международных торговых связей.

В сунский и особенно последующий юаньский период отмечается значительный рост горнодобывающей промышленности. Добыча соли и ее распределение по стране были в эти века одной из существеннейших отраслей хозяйственной деятельности. Сильно увеличилось производство железа, причем оно становится даже материалом для изготовления монеты. Хлоп-

¹ J. E d k i n s. Banking and Prices in China. Shanghai, 1905, pp. 70—71.

чатобумажных тканей в этот период Китай еще не знает. Но производство шелка вырастает в огромной пропорции. Шелк все больше становится материалом, которым вносятся в казну налоги. В натуральном товарообмене шелк начинает до известной степени конкурировать с рисом в качестве меновой единицы.

При династии Сун Китай располагал значительной казенной промышленностью, обслуживавшей потребности двора и армии и лишь отчасти работавшей на частный рынок. Ее загрузка до некоторой степени определялась также тем, что китайское правительство обязалось платить дань шелками некоторым из своих кочевых соседей, о чем будет сказано в дальнейшем изложении.

Можно считать несомненным, что в X—XI вв. китайская промышленность изготовляла в гораздо большей мере предметы роскоши, чем работала для удовлетворения первейших нужд населения. О масштабах текстильного производства можно судить по сообщению о казенной мастерской, в которой на производстве атласа и вышивок было занято до 700 рабочих. Однако такие предприятия были все же редкостью. Казенное ткацкое предприятие, на котором работало 58 женщин и о закрытии которого сообщается в 976 г.,¹ приближалось, повидимому, в большей мере к стандартному размеру. Мы располагаем также сведениями о казенной текстильной мастерской в Сычуани, где в сунский период производились вышивки и где работало во всех ее отделениях 694 чел. Это предприятие закупало нужные ему материалы на частном рынке сотнями кусков, и даже обслуживавшие его предприятия имели по 200—300 рабочих.

Сильно растет в этот период металлопромышленность. Ее успехи были в значительной мере связаны с необыкновенным спросом на монету. Удовлетворение этой потребности подстегивало технику производства металлов. Частные плавильни, как это мы узнаем из источников того времени, имели обычно не менее 100 чел. рабочих. Приводятся данные, из которых видно, что владельцы плавильных предприятий были крупными богатеями, воровавшими большими средствами.² В сунский период шло значительное государственное строительство, которое стимулировало развитие казенного производства строительных материалов. Весьма крупными масштабами отличалась также полиграфическая промышленность. Что касается кораблестроения, то еще при династии Тан отмечалась постройка крупных судов. В сунский период, в связи с развитием морских сообщений, кораблестроение на юго-востоке Китая значительно усиливается.

Было бы чрезвычайно важно установить, в какой мере практиковалось на крупных предприятиях разделение труда. Одним из китайских историков — Цзюй Цинь-юанем, написавшим специальную монографию о промышленности танского и сунского периодов, существование разделения труда признается несомненным. При всей вероятности такого допущения, могут быть в его подтверждение приведены лишь данные, свидетельствующие о том, что казенные текстильные предприятия разделялись на ряд мастерских, из которых каждая выпускала особый вид текстильных изделий: стандартные ткани, тонкие сорта шелка, пряжу, атлас, тафту, рыбацкие сети и пр. Приводятся данные и о существовании отдельных цехов в литейном производстве. Интересные сведения цитируются относительно участия ряда мастеров в изготовлении колес. Однако все эти материалы недостаточны для того, чтобы составить отчетливое представление о харак-

¹ Edkins, op. cit., p. 162.

² Цзюй Цинь-юань. Казенная и частная промышленность при Танах и Сунах (на кит. яз.), стр. 61.

тере и масштабах разделения труда внутри мастерской в тот период. О подъеме промышленности на новую ступень по сравнению с танским периодом говорят также многочисленные сведения о появлении квалифицированной рабочей силы.

Вторая важнейшая тенденция в промышленности сунского периода заключается в усилении использования труда вольнонаемных рабочих. Термин, обозначавший вольнонаемный труд (чжао-гу), существовал, правда, еще при династии Тан. Характерно, однако, что в небольшом словарики экономической терминологии танского периода, составленном знатоком танского Китая Балажем, дается следующий перевод этого термина: «чжао-гу: добровольный наем, который в действительности был лишь иным обозначением для принудительной повинности».¹ Таким образом, Балаж не сомневается в том, что при династии Тан не было еще вольнонаемного труда в подлинном смысле этого слова. Между тем, в сунский период вольнонаемный рабочий, несомненно, начинает играть известную роль. Сообщается, например, об использовании вольнонаемного труда в предприятиях, производящих плавку железной монеты, в военном деле, в производстве вина. Стоит также отметить, что в этот период заработная плата, выдаваемая рабочим, состоит как из натурального снабжения, так и из денежного довольствия, что также свидетельствует о новых явлениях в области промышленности.

В том, что при династии Сун под термином «вольнонаемный труд» уже не скрывается более, как при Тан, крепостная повинность, можно убедиться хотя бы на основании свидетельства известного автора XII в. Чжу Си, который подвергает специальному обсуждению вопрос о преимуществах принудительного и свободного труда. Для консервативно-охранительных тенденций того времени характерно, что главную опасность наемного труда Чжу Си усматривает в скоплении в одном месте большого множества людей, не имеющих реальных корней в данном районе.² Разумеется, не следует преувеличивать значения всех приведенных фактов. Сунская промышленность в подавляющей своей части оставалась промышленностью феодального типа. Господствовали мелкие и мельчайшие предприятия. В городе преобладающей формой промышленности было ремесло. Но все же для сунского периода именно характерно появление вольнонаемного труда и денежной заработной платы.

В рассматриваемый период отмечается поразительный рост производства керамики и фарфоровых изделий, а также исключительное развитие полиграфического дела. На последнем обстоятельстве следует остановиться с некоторой подробностью.

Первые попытки печатания книг делались в провинции Сычуань еще и раньше (особенно буддийскими монахами) и давали неплохие результаты. Однако о книгопечатании, в широком смысле этого слова, можно говорить только с середины X в. Книгопечатание становится на более или менее прочную почву благодаря усилиям известного политического деятеля того времени Фын Тао (этого «всегда радостного старца»), жизненный путь которого напоминает историю Талейрана. Фын Тао последовательно служил семи различным владетельным домам и «постоянно умудрялся провести среди подводных камней свое утлое суденышко при жестоком шторме».³ С именем Фын Тао связано новое издание классиков, предпринятое еще

¹ St. Balazs. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang-Zeit. Mitt. des Seminars für oriental. Sprachen, Berlin, 1933, p. 46.

² Чжу Си. Юй цзуань Чжу цзы цюань шу, ч. 64, p. 2.

³ R. Wilhelm. Geschichte der chinesischen Kultur. München, 1923, p. 247.

в 932 г. К 953 г. печатание 9 классиков было закончено. Вместо каменных брусков для печатания оттисков использовались теперь доски, а в сунский же период некто Пи Шен изобрел печатание подвижными знаками.¹ Изобретение книгопечатания имело огромное значение для культурного развития Китая. До этого времени ученость воплощалась, главным образом, в головах немногих представителей конфуцианской бюрократии, которые были, по существу, ходячими библиотеками и блюстителями заветов классиков ритуала. Изобретение книгопечатания создало базу для широкого распространения знаний классиков. Появились специальные фирмы, занимавшиеся книгопечатанием. Начали торговать книгами. Как говорит немецкий синолог Вильгельм, «теперь стали появляться произведения, которые в отношении техники печатания, пространственного распределения текста и гармонического художественного оформления остались образцом для всех времен».

Выше было уже отмечено, что период династии Сун выделялся исключительным обострением социального неравенства. Особенно нужно подчеркнуть развитие в эту эпоху ростовщичества, которое буквально высасывало из крестьян все соки. Норма процента на капитал доходила до ста годовых и выше. В литературе все чаще и чаще мелькают указания на выделение особой социальной группы, которая получает название «цзяньбин». Под этим именем разумеются кулаки-богатеи, которые наживаются на ростовщических операциях, стремятся захватить в свои руки монополию снабжения рынка товарами и всячески угнетают и притесняют народ. О тенденциях «цзяньбинов» к захвату рынка на монополистических началах сообщает, например, Ван Ань-ши в своем докладе, относящемся к 1072 г. «В чайной гильдии более 10 семей богатеев-купцов обычно тиранизируют всех остальных. Когда чай привозится в столицу странствующими торговцами, заправили гильдии, прежде всего, приглашают странствующих торговцев на пиршество и, договорившись с ними о продаже чая по столь низкой цене, что она едва ли оставляет им какую-либо прибыль, они выражают свое согласие смотреть сквозь пальцы на высокие цены, которые будут ими взяты с сравнительно бедных купцов, входящих в гильдию».²

Мы видим, таким образом, что даже в пределах отдельной гильдии происходит дифференциация между небольшой группой богатеев-торговцев, стремящихся овладеть монополией в своей отрасли, и значительным большинством остальных торговцев, которые, естественно, являются врагами этой монополии.

Между тем, монополистические объединения купцов в форме гильдии (китайское название «хан») начинают играть в этот период все большую и большую роль.

Государство, стремясь обратить в свою пользу хотя бы известную часть торговой прибыли, возлагает на купечество обязанность снабжать казну товарами по пониженным против рыночных ценам. Так как на этой почве было много злоупотреблений со стороны чиновников, то в 1073 г. был введен взамен этого обязательства особый денежный сбор с гильдий. В 1075 г. этот сбор был оплачен в Кайфыне 170 «ханами», а в 1085 г. число лавок, принадлежавших к этим «ханам» и оплативших сбор, было 6400.³ Судя по этим данным, развитие торговли в китайской столице того времени должно было быть значительным. Заправили гильдии воспользовались введением

¹ Там же, стр. 260.

² Shigeshi K a t ô. On the Hang or the Associations of Merchants in China. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, № 8, Tokyo, 1936, p. 68.

³ Shigeshi K a t ô, op. cit., p. 62.

указанного сбора, чтобы заставить всех мелких купцов, остававшихся вне гильдии, войти в нее и участвовать в платеже казенных сборов. При таких условиях раскладки, казенные повинности падали фактически на все купечество, тогда как подлинными хозяевами гильдии, разумеется, были одни только заправилы — цянбины.

В сунский период особенного развития достигает морская торговля с юго-восточными государствами. Центром этой торговли становятся южные порты, особенно Кантон и Ханчжоу, где организуются специальные таможи (ши-по сы) для взимания сборов с иностранных судов и товаров. Прибывшие из-за границы суда должны были уплачивать сравнительно высокую таможенную пошлину, доходившую до 10—30% с цены товаров. Сверх того, им приходилось присылать подарки ко двору и уболаговлять взятками чиновничество, призванное ведать морской торговлей. Эти взятки носили название «присылки образцов». Обязательно было также устройство банкетов на палубах кораблей для лиц, присланных для проверки количества и качества привезенных товаров.¹ Считается, что примерно к началу XII в. сумма одних только казенных сборов, взимаемых с привозимых из-за границы товаров, достигала 2 млн. связок монеты, что при общей цифре бюджета того времени, не превышавшей 50 млн. связок, было довольно внушительной величиной. Правительство стремилось монополизировать в своих руках торговлю наиболее ценными из предметов импорта с целью повысить общую сумму доходов от внешней торговли. Около 976 г. была установлена в столице государства общая система монополии на ряд привозных товаров. Эта монополия называлась «Цзюэ-и юань». Предметами государственной монополии были объявлены все ароматические вещества, жемчуга, кость, черепаха, рога носорога, слоновая кость и пр. Были объявлены суровые наказания за частную торговлю этими предметами. Для закупки этих товаров таможенными властями южных портов переводились казной большие суммы.² Товары, на которые была установлена государственная монополия, получили название «монопольных товаров» или «запрещенных товаров». Остальные товары, поступавшие в частную продажу, не только облагались таможенной пошлиной, но в отношении них было установлено также преимущественное право покупки их со стороны казны. Внешняя торговля давала благодаря всем этим ухищрениям большую прибыль не только правительству, но и всему примазавшемуся к ней чиновничеству. Известно, что в этот период обедневшие чиновники давали большие взятки придворным евнухам, добиваясь высоких постов в южных портах.³ Многие из возвращавшихся с юга чиновников, благодаря накопленным богатствам, приобретали большое политическое влияние.

С другой стороны, сравнительно многочисленная иностранная колония Кантона и других южных портов обладала значительной финансовой силой. Известен, например, член арабского посольства Син-я-та-ла, предложивший в дар китайским властям медь и серебро на расходы по починке стен Кантона. Этого человека известный писатель сунского периода Су Чжэ характеризует как архимиллионера. Он указывает, что его богатство доходило до нескольких миллионов связок монет.⁴ Таких богачей среди мусульманских купцов того времени было немало.

Выгодность внешней торговли побуждала сунских государей поощрять ее развитие, что явно противоречит обычному представлению о Китае

¹ Jitsuzô Kuwabara. P'u Shou-kêng. The Toyo Bunko, 1935, pp. 36—37.

² Там же, стр. 74—75.

³ Там же стр. 54.

⁴ Там же, стр. 51.

как о стране, всячески отгораживавшейся от иностранных государств. Так, например, об императоре Тай Цзуне сообщается, что в 987 г. он отправил 8 придворных, которые везли с собой верительные грамоты за императорскими печатями, а также золото и шелка. Они разделились на 4 группы, и каждая из них направилась в «варварские страны южных морей», обменивая золото и шелка на ароматические вещества, рога носорога, слоновую кость, жемчуг и камфару. Каждая группа имела при себе 3 императорских лицензии на ведение торговли без указания адресата и предоставляла их тем странам, где она бывала.

Во внешней торговле экспорт состоял, главным образом, из золота, серебра, медных монет, шелка, фарфора и пр., тогда как в импорте фигурировали: благовония, лекарства, драгоценные камни, слоновая кость. Из этого перечисления видно, что Китай снабжался, главным образом, предметами роскоши и расплачивался за импортируемые продукты своей монетой. Такой характер китайской внешней торговли вызывал широкие нарекания со стороны государственных руководителей, среди которых многие стояли за ограничение и даже запрещение внешней торговли.

Товарно-денежные отношения в сунский период развивались с исключительной быстротой. Правда, как это всегда бывает в переходные моменты, натуральный товарообмен сохранялся еще в значительной мере, причем наиболее отсталой в этом отношении была казна.

Примитивная техника плавки монеты не поспевала за спросом на средства обращения. Первым выходом, которым пытался воспользоваться сунский Китай, было введение «двойного стандарта»: обращение медной и железной монеты одновременно. Медная монета циркулировала в Китае с древнейших времен. Недостаток денег заставил притянуть на подмогу меди железо. По данным Виссеринга, железная монета ходила в больших количествах, главным образом, в провинциях Сычуань и Шэньси, а также в восточных чайных округах провинции Фуцзянь.¹ Делались также попытки сочетать оба металла в одной монете (таким образом современный «симметаллизм» оказывается предвосхищенным Китаем много веков тому назад). Однако неуклюжая тяжеловесная железная монета не имела успеха. В середине XI в., по данным Ма Дуань-линя, был достигнут максимум плавки монеты, составивший 5½ млн. связок, в том числе всего 900 тыс. железной монеты. Серебро появляется в обращении также в XI—XII вв.,² но до сих пор остается невыясненным, почему его обращение развивалось так медленно. Можно лишь высказать предположение, что это было связано с известным кризисом серебра XI в. во всей Средней Азии, выразившимся в большом недостатке белого металла.

Однако проблема денег была окончательно разрешена для Китая лишь тогда, когда на сцене появились бумажные деньги. Металлические монеты требовали большой затраты труда для своего изготовления. Каждую медяшку приходилось обрабатывать вручную отдельно. Поэтому изобретение бумажных денег, позволявших выпускать на рынок в короткий срок большое количество знаков любых купюр, технически было для Китая огромным облегчением. Однако вместе с тем Китай познал и все невзгоды бумажно-денежного хозяйства.

Наиболее ранние выпуски бумажных денег в собственном смысле обычно относятся к началу IX в. Это были так называемые «летающие деньги».

¹ W. Vissering. On Chinese Currency. Leiden, 1877, p. 134.

² Tien Yue Dzen. Das Bankwesen in China. Berlin; 1927, p. 17. Первые котировки серебра в отношении меди относятся к началу XII в. Тогда за один таэль серебра давали 200 медных кошей.

Их задача заключалась в том, чтобы облегчить перевод денег из одного пункта в другой. Металлические деньги вносились в казну, и в обмен выдавалось свидетельство, которое могло быть предъявлено в любом городе. За перевод взималось 2%. Однако при династии Тан обращение «летающих денег» было очень скоро ликвидировано. Они вновь возрождаются в первые годы династии Сун, т. е. после 960 г., получая новое имя: «удобные деньги». Выпуск бумажных денег со специальной целью обращения был впервые проделан в провинции Сычуань коллективом из 16 купцов около 1045 г. Купцы, злоупотребив эмиссией, скоро обанкротились. Казначейство воспользовалось этим и забрало эмиссию в свои руки.¹ Однако в течение XI в. эмиссия еще не выходит из очень скромных пределов. Только в XII в. умножается число выпускаемых видов бумажноденежных знаков, а в XIII в. начинается подлинный бумажноденежный потоп, далеко опередивший и по времени и по масштабам знаменитый опыт с французскими ассигнатами конца XVIII в. Все это, конечно, говорит о том, что сам оборот настоятельно требовал в этот период денежных знаков в связи с ростом товарно-денежных отношений. Временами недостаток денег был так остр, что был пущен в оборот термин «денежный голод». Китайский кэш, несмотря на свою неприязнительную внешность (маленькая медяшка с квадратной дырой посередине), сделал в этот период головокружительную карьеру. Он стал «мировыми» деньгами. Медная монета отправлялась на север, к кочевым соседям Китая, целыми возами. Современники жаловались, что в пограничных районах сохранились лишь очень старые, полуистершиеся монеты. Большие количества монеты увозились и на судах на юг. Китайский путешественник XV в., известный Ма Хуан, имел возможность констатировать, что на Яве и Суматре еще в его время циркулировали преимущественно китайские деньги. Ряд раскопок в течение XIX в. обнаружил китайские медные деньги (из которых многие выплавлены именно при династии Сун) в таких странах, как Малайя (район Сингапура), южная Индия и даже Занзибар и Сомалийское побережье в восточной Африке.

Вывоз монеты в сунский период сделался предметом страстного обсуждения среди политических деятелей того времени. Большинство твердо придерживалось политики запрещения экспорта монеты. Только при Ван Ань-ши запрет вывоза официально был снят, и массы монеты опять потекли за границу. Конечно, запрет вывоза все равно не достигал цели, так как разница в цене монеты у кочевых народов севера и в самом Китае была очень велика и наложение эмбарго на вывоз монеты вызывало лишь расцвет контрабанды. Даже угрозы смертной казнью, фигурировавшие в уголовных законах, не оказывали действия. Таким образом, Ван Ань-ши лишь узаконил то, что существовало в жизни.

Характерно, что обращение металлических денег в сунском Китае было, повидимому, сравнительно очень быстрым. Сохранился любопытный рассказ о том, как известный писатель-философ Чэн Хао, будучи чиновником в Шанси, рассудил однажды двух братьев, споривших о кладе. Клад был найден в земле при доме, который один брат арендовал у другого. Чэн Хао определил принадлежность клада по возрасту закопанных в землю монет. Он утверждал, будто «для денег требуется срок не более 5—6 лет от момента их изготовления, чтобы начать циркулировать по всей империи».²

* * *

¹ Cheng - Tao Tung. Financial Organisation. Shanghai, 1925, pp. 46—47.

² Bruce, Chu Hsi and his Masters. An Introduction to Chu Hsi and the Sung School of Chinese Philosophy. London, 1923, p. 41. i

Как видно из изложенного, сунский период был насыщен глубочайшими социальными противоречиями, которые должны были дать простор массовым проявлениям народного возмущения. Поэтому неудивительно, что конец X и начало XI вв. характеризуются подъемом огромной волны крестьянских восстаний.

Они проходят под лозунгом имущественного поравнения и ликвидации эксплуатации богатыми бедных. Наиболее известное из сунских восстаний произошло в 993—995 гг. в провинции Шу, занимавшей западную часть нынешней провинции Сычуань. В то время Сычуань была одним из наиболее развитых в экономическом отношении районов Китая. Она более всего славилась развитием текстильного производства. Сообщая о причинах восстания конца X в., один источник говорит, что в Сычуани в то время была совсем запрещена частная торговля, другой утверждает, что купцам было запрещено торговать только текстильными изделиями. Повидимому, второе мнение ближе к истине, так как при тогдашнем состоянии общества едва ли могло иметь место полное запрещение частной торговли. Иным делом было стремление правительственных органов забрать в свои руки целиком торговлю текстильными товарами, которые в оборотах тогдашней Сычуани играли выдающуюся роль. Что Сычуань была в то время крупнейшим текстильным центром, имевшим общегосударственное значение, можно доказать хотя бы двумя фактами. Во-первых, население Шу целиком оплачивало причитавшиеся с него налоги тканями, во-вторых, после окончательного присоединения провинции Сычуань к собственно Китаю оттуда была вывезена сотня рабочих, производивших вышивки, и они были использованы в специально организованной мастерской вышивок в столице. Важнейшим источником богатства в Сычуани в этот период был именно вывоз текстильных изделий.

После подчинения Сычуани центральному правительству налоги и пошлины сильно увеличились. Доходы в общем снизились, возможностей приложения труда стало меньше, а поборы выросли. Все это нанесло населению Сычуани чувствительный удар. Цены на все товары поднялись, положение народных масс резко ухудшилось.

Такова была обстановка, которая помогла Ван Сяо-бо поднять восстание против господствующих классов.¹ Было бы, однако, ошибочно думать, что в действительности, как это выходит на основании китайских исторических хроник, дело заключалось, главным образом, в борьбе за доходы от текстильной торговли или, как выражается французский синолог Кордье, что «оно было вызвано вымогательствами со стороны мандаринов».²

Даже официальная китайская история (Сун-ши) считает необходимым подчеркнуть, что в Сычуани в это время ощущался недостаток земли при обилии народа, что приводило к частым голодовкам. Таким положением вещей пользовались богачи (цзяньбины), которые запасались продовольствием при его дешевизне и спекулировали хлебом, когда его цена возрастала.³

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что в основе восстания Ван Сяо-бо лежали глубокие социальные причины, коренящиеся в феодальной эксплуатации. Ван Сяо-бо сам происходил из народа. Подняв восстание, он выдвинул лозунг, который стал основой всей тактики восставшего крестьянства: «Мы страдаем от того, что богачи и бедняки неравны,

¹ Ч ж а н И н ь - л и н ь. Сун чу Сы-чуань Ван Сяо-бо Ли Шунь-чжи луань. «Цин-хуа сюе бао», апрель 1937, стр. 317—318.

² Henri Cordier. Histoire générale de la Chine, II, 1920, p. 81.

³ Т а о С и - ш э н, ук. соч., стр. 89.

в настоящее время мы их сравниваем». По словам современного историка, крестьяне, восставшие под руководством Ван Сяо-бо, на деле проводили следующую линию политики: они ликвидировали наиболее ненавистных народу чиновников, отбирали у богачей имущество и раздавали его неимущим.¹ Уже в одном из первых боев Ван Сяо-бо убил начальника императорских войск Чан Цзи, но сам был смертельно ранен. Его сменил на боевом посту муж его сестры Ли Шунь. К восставшим со всех сторон стекались большие толпы народа. Численность повстанцев вскоре достигла нескольких сот тысяч человек. Повстанцами были заняты города: Шучжоу, Цзюнчжоу, Ханьчжоу и Пынчжоу. После недолгой борьбы пала тогдашняя столица Сычуани — город Чэнду. Ли Шунь объявил себя князем, приняв титул: Да Шу-ван (великий князь Шу).

Китайский император, которому пришлось в это время вести борьбу с киданями, не был склонен начать сразу военные действия против восставших крестьян. Однако некоторые придворные убедили его в необходимости быстрых репрессий, после чего на евнуха Ван Цзи-эня было возложено подавление восстания. После нескольких сражений, из которых одно произошло у стен Чэнду и в котором пало до 30 тыс. повстанцев, город был взят. Официальная китайская история сообщает, что Ли Шунь тогда же попал в плен и тело его было разорвано на куски на общественной площади. Однако новейшие исторические исследования не подтверждают правильности этого сообщения. Ли Шунь, повидимому, пережил почти на 30 лет восстание, которое он возглавлял. Движение, которое Ван Цзи-энь считал подавленным, продолжалось еще некоторое время до тех пор, пока новый его руководитель Чан Ю не был захвачен и казнен.

Замечательно то упорство, с которым сражалось сычуанское крестьянство против своих угнетателей. Несмотря на разгром правительственными войсками отдельных важнейших очагов восстания, возникали все новые и новые его центры, и народные массы выдвигали новых руководителей на место убитых или захваченных в плен генералами, сражавшимися против повстанцев. Даже официальная летопись, наряду с этими обстоятельствами, отмечает несогласие в правительственном лагере. Офицеры не проявляли готовности сражаться. Многие районы отложились от центральной власти. Император был так напуган происходившими событиями, что одно время проявлял даже склонность отказаться от Сычуани, присоединенной к Китаю всего 30 лет до восстания Ван Сяо-бо. О настроении придворных сфер в это время можно судить хотя бы по тому, что во время торжественного пиршества, устроенного императором в момент, когда ликвидировались последние остатки восстания, один из сановников Люй Мын-чжэн указал императору на то, что страна только кажется богатой, если судить о ней по столице, где скопилось множество чиновников и народа. Стоит отъехать от нее на несколько ли, чтобы убедиться в том, что великое множество народа умирает от холода и голода. После подавления восстания был издан эдикт, в котором император оказался вынужденным признать, что причиной восстания были притеснения народа со стороны жадных чиновников. Лицемерие этого заявления явствует из того, что ни при самом Тай Цзуне, ни при его ближайших преемниках не было предпринято ничего реального для облегчения участи народных масс.

Последним отблеском восстания Ван Сяо-бо было новое движение среди недовольных солдат в Сычуани, вспыхнувшее в 1000 г. Восставшими солдатами был убит генерал Фу Чжао-чжоу. Солдаты заменили его Ван Цзю-

¹ Чжан Инь-линь, ук. соч., стр. 319.

ном, который раньше был комендантом города.¹ Однако этому восстанию не удалось разрастись сколько-нибудь широко. С другой стороны, в период Жэнь Цзуна (1023—1063) на другом конце Китая, в северо-восточной его провинции Хэбэй, началось движение, возглавляемое Ван Цэ, которое по своей силе и влиянию является одним из наиболее мощных в эту эпоху. Ван Цэ был родом из Чжочжоу. В голодные годы, бродяжничая, он добрался до Эньчжоу и там продался на работу по пастбе скота. Впоследствии он был зачислен в войска. Поднятое им восстание в 1047 г. продолжалось всего 66 дней. Характерной его чертой было то, что оно являлось войной беднейшего крестьянства против князей буддийской церкви.² Это восстание, в отличие от сычуаньского, не имело большого территориального размаха. Оно было подавлено с обычной жестокостью. Ряд селений, в которых оборонялись восставшие крестьяне, был сожжен. Руководитель восстания Ван Цэ был захвачен в плен, в клетке привезен в столицу и там казнен («изрезан в куски», по выражению летописи).

Величайшей угрозой для существования Китая в рассматриваемую эпоху были нашествия со стороны граничивших с ним на севере кочевых народов. Политика китайского государства в отношении соседей в общем была проникнута миролюбивыми началами. Китай старался внушить им убеждение в выгоде сохранения с ним мирных отношений. Территориальное расширение Китая, правда, шло неспешно, но оно происходило с исключительной медленностью. Соседями его со всех сторон были беспокойные кочевые племена, быстро перемещавшиеся вдоль границ и имевшие вследствие этого возможность легко подготовить мощный кулак для вторжения в Китай в любом пункте. Если бы у Китая были враждебные отношения с соседями, ему пришлось бы постоянно содержать огромную армию для охраны растянувшейся на несколько тысяч километров границы. Поэтому Китай придерживался по преимуществу тактики мирного воздействия и увещания. При этом основная тенденция китайской государственности к расширению шла преимущественно в южном направлении, так как на юге имелись возможности массовой колонизации территории оседлыми китайскими земледельцами. Лишь по мере того как ближайшие к южным соседям территории оказывались прочно освоенными и наступал момент для дальнейшего продвижения, китайские власти сразу меняли тон, становились более требовательными, начинали оказывать вооруженное давление. На севере этих мотивов для экспансии не было. По безбрежным степям и плоскогорьям Манчжурии, Внутренней Монголии, Синьцзяна, северо-западной окраины собственно Китая кочевали народы, подчинение которых Китаю силой оружия не представляло большой экономической выгоды и становилось все более и более не под силу. В моменты усиления китайского государства эти народы нередко превращались в китайских данников, но серьезных поползновений на захват их территорий Китай не проявлял.

При неизмеримой пропасти, отделявшей Китай от этих кочевников по уровню материальной и духовной культуры, неудивительно, что китайская государственность весьма импонировала соседям. Играя на этом, Китай поощрял приближение вождей и князьков кочевых племен ко двору. В согласии со строгими требованиями китайского придворного ритуала, они приезжали сюда с изъявлением верноподданнических чувств, и их щедро наделяли почетными титулами и подарками, возвращали расходы по путешествию ко двору, разрешали торговлю на китайской территории. В ре-

¹ Cordier, ук. соч., стр. 85.

² Тао Си-шэн, *op. cit.*, p. 90.

зультате происходило известное сближение Китая с кочевниками и постепенное распространение некоторых начал китайской культуры среди них.

Вопреки распространенному мнению, Китай не был отделен от соседей «китайской стеной», хотя она и существовала физически. Спорные пограничные районы переходили из рук в руки, и в конце концов в них образовалось смешанное население с явным преобладанием китайцев. Сверх того, всякая смута в Китае приводила к массовой эмиграции населения, причем значительная часть этого потока переселенцев направлялась и на север. В результате, в среде кочевников постепенно накопилось довольно значительное китайское население, заводившее здесь свои порядки. Сохранившиеся дневники нескольких путешественников, совершенных китайцами по территории кочевых соседей в X—XII вв., наглядно убеждают нас в этом. Так, мы читаем, что китайцы, переселившиеся в районы, занятые киданями при А Бао-цзи (середина X в.), называли именами местностей, откуда они были родом, мелкие административные единицы на местах своего поселения. Таким образом, были даже уезды, сплошь заселенные китайцами.¹ Рассказывается также о том, что кидане во время своих походов брали в плен представителей разных народностей и селили их на восточном кордоне своей страны. Здесь образовалось, таким образом, многоплеменное население, среди которого китайцы играли первостепенную роль. «Международным языком» в обращении этих народностей друг с другом был китайский.² Китайцы помогали кочевникам сооружать города китайского типа, с широкими улицами, рынками, храмами и пр. Рассказывается, например, о сооружении такого города при А Бао-цзи на восток от горы Тяньшань. «А Бао-цзи начал при помощи китайцев распахивать землю, построил города, предместья, селения, открыл рынки; словом, все было по образцу [китайской] провинции Янь. . . Китайцы успокоились и не думали больше о возвращении на родину».³

По данным одного китайского чиновника-перебежчика, который служил киданям, а потом вернулся в 1003 г. на родину, у киданей в Бэйпине была даже состоявшая из китайцев кавалерийская часть, в которой насчитывалось 18 тыс. чел.⁴

Китайское культурное влияние не было среди кочевников внешним наносным явлением. Оно входило прочными корнями в их быт. В. В. Бартольд сообщает, что вытесненные с Дальнего Востока чжурчженями кидане («кара-китай») в XII в. подчинили себе мусульманских властителей Семиречья и Китайского Туркестана. При этом они «принесли с собой усвоенную ими на их прежней родине китайскую культуру и ввели в покоренных областях китайскую систему подворного обложения».⁵ Бартольд отмечает также тот факт, что в X в. «наибольшей высоты культуры достигли те турецкие народности, которые жили вдоль караванного пути из мусульманского мира в Китай».⁶

Однако события, рассматриваемые в настоящем очерке, не могли не привести к тому, что авторитет Китая в глазах окружавших его народов был в значительной мере подорван. Прежде всего, если могущественная

¹ Ed. Chavannes. Voyageurs chinois chez les khitan et les joutchen. Journ. Asiat., 1898, p. 104.

² Там же, стр. 126—127.

³ В. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857, стр. 178.

⁴ Е. Н. Раггер. A Thousand Years of the Tartars. 1895, p. 333.

⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 81.

⁶ Бартольд, ук. соч., стр. 70.

танская империя сумела распространить свою власть далеко на запад и создать тем самым благоприятные условия для развития торговли со Средней Азией, то передвижения отдельных народов в сердце Азии как раз в изучаемый период привели к тому, что мост, связывавший танский Китай с западом, был взорван.¹

Произошедшее в период династии Тан развитие промыслов для обслуживания этой значительной внешней торговли в западном направлении требовало поисков новых рынков, и их стали естественно искать на юго-востоке от Китая, так как путь на запад был закрыт. С другой стороны, при глубоком внутреннем развале китайской государственности в X в. военные группировки, возглавлявшиеся отдельными генералами, стремились опереться в борьбе против своих противников на внешнюю силу и охотно начали вмешивать во внутренние дела Китая кочевых соседей. Ореол Китая, обаяние его культуры в глазах кочевых «варваров» были окончательно разрушены, когда им была предоставлена возможность по приглашению вторгаться в отдельные области Китая, с благословения своих китайских союзников производить грабежи, опустошения и т. д. Очистить китайскую территорию от кочевников оказалось гораздо труднее, чем привлечь их туда. Начались отторжения целых областей.

Одним из наиболее грозных для Китая врагов было государство Си Ся, примыкавшее к его границам с северо-запада.

Постоянное расширение границ государства Си Ся привело к тому, что оно заняло значительную часть территории на северо-западе нынешней Внутренней Монголии, китайской провинции Ганьсу и северную часть провинции Шэньси. Политически это государство оказалось довольно устойчивым, и несмотря на то, что на территории кочующих по соседству с Китаем народов происходили постоянные политические передвижки, государство Си Ся сохранялось на протяжении почти что трех веков. Когда династия Тан была ликвидирована и в Китае началась ожесточенная гражданская война, то племя шато, жившее на территории Си Ся, приняло в ней участие и в результате само оказалось в роли создателя новой китайской династии. В результате значительная часть северо-западного Китая перешла в руки Си Ся на несколько десятилетий.

Новый период подъема начинается для государства Си Ся при правителе Юань Хао, в царствование китайского императора Жэнь Цзуна (1023—1063), когда оно стало сильнейшей азиатской державой. Юань Хао создал постоянную армию в 500 000 чел., значительно расширил границы своего государства на север и на запад и принял титул императора Великих Ся (Да Ся). Усиление государства Си Ся заставило китайские власти заключить с ними постоянный мир, обусловленный тем, что император обещал ежегодно платить дань серебром, шелком и чаем.²

Еще гораздо более грозными врагами для Китая были кидане и чжурчжени. Первые основали династию Ляо («железную»), вторые — Цзинь («золотую»). И те и другие имели по 5 столиц. Наиболее жизненно важными для них были их «верхние» столицы, расположенные в крайних северных пунктах. Как указывает Шаванн, именно эти места были подлинной их родиной, находившейся, главным образом, на территории современной Манчжурии и Внутренней Монголии. Здесь они в течение веков жили в неизвестности и отсюда поднялись на огромную историческую высоту. Здесь была колыбель этих народов, но эти же места были и последним

¹ Krause. Geschichte Ostasiens. Göttingen, 1925, p. 155.

² H. R. Williamson. Wang An Shih. A Chinese Statesman and Educationalist of the Sung Dynasty, vol. II, 1937, pp. 191—192.

прибежищем после их поражения на исторической арене. Верхняя столица Ляо находилась в местности, называемой в настоящее время Цаган Субурган, в верховьях р. Цаган Мурень, притока большой р. Шара Мурень. Верхняя столица Цзиней была, повидимому, расположена на берегах небольшой р. Алчусу, правого притока Сунгари.

Территориально кидане и чжурчжени располагали обособленными районами; при этом кидане имели тенденцию расширяться на юг и юго-восток, а чжурчжени — на юго-запад.

В борьбе кочевых народов Восточной Азии большую историческую роль всегда играл район нижнего течения р. Ляо. Эта равнина, идущая от Муكدена на юг, до самого моря, никогда не была центром империи, но всегда являлась ареной борьбы, захват которой был угрозой для северного Китая. Именно из долины р. Ляо шли обычно племена, вторгавшиеся в северный Китай. Этот же район был стратегической позицией, обеспечивавшей господство над Манчжурией. Сам Китай еще в начале правления династии Тан предпринял некоторые удачные шаги к овладению Манчжурией, но не сумел окончательно закрепиться в ней. В VIII—IX вв. здесь образовалось довольно сильное государство Бохай, центром которого был район нынешней Нингуты. Отказ китайского правительства от решительных мер к захвату Манчжурии сыграл роковую роль в истории династии Сун, так как привел к покорению северного Китая сначала киданями, а затем чжурчжени.

Возвышение киданей началось в первой половине X в. при А Бао-цзи. Преемник последнего Дэ Гуан вторгся со своими полчищами в пределы Китая и, опираясь в значительной мере на измену со стороны предводителей китайских войск, занял в 947 г. китайскую столицу. Он оставался, однако, в Кайфыне недолго. Тревожные известия с родины заставили его скоро покинуть этот город. По преданию, он увел с собой из столицы несколько тысяч человек высшей бюрократии, искусных ремесленников, дворцовой прислуги и командного состава армии.¹ Дэ Гуан умер на обратном пути из Китая. Начавшаяся вслед за этим смута в киданьском государстве облегчила Китаю возможность освободить от киданей захваченные ими области. С этого времени и вплоть до 1003 г. идет полоса непрерывных войн между обеими сторонами с переменным успехом и с частыми вторжениями киданей в пределы Китая. Киданьское государство становится в этот период сильной державой и достигает значительных успехов даже в области промышленности. Так, отмечается в летописях, что около 975 г. киданьские правители имели возможность отправить к китайскому двору выделанные в их стране императорские одежды, что свидетельствует, конечно, о сравнительно высоком уровне техники в текстильном производстве.² Несмотря на колебания военного счастья, кидане все же довольно прочно овладевают в период династии Сун северной частью современной провинции Хэбэй с ее главным городом Бэйпином. Кидане свили себе прочное гнездо на Ляодунском полуострове, прервав тем самым связь Китая с Кореей. Ряд племен, обитавших к северу от Китая, — татары, чжурчжени, корейцы — примкнули к киданям и вошли в состав их империи.

Усиление военной мощи киданей побудило китайское правительство заключить с ними невыгодный мир. Этот мир был куплен ценой ежегодного предоставления киданям «подарков» в размере 100 тыс. серебряных слитков и 200 тыс. кусков шелка. В середине XI в. размер дани пришлось еще увеличить почти вдвое. Эта уступчивость Китая отнюдь не может быть

¹ Parker, op. cit., p. 322.

² Там же, стр. 329.

оправдана действительным превосходством военных сил киданей. После заключения мира создалась обстановка, которая действительно привела к полному ослаблению боевой готовности Китая.

Несмотря на наличие в распоряжении китайских властей того времени огромной наемной армии, численностью свыше миллиона человек, обходившейся казне очень дорого, положиться на нее в деле охраны государственных границ было совершенно невозможно. Очень яркое описание китайской армии дает известный писатель и политический деятель Оуян Сю в своем докладе, составленном около 1040 г.: «В течение 33 лет мы пребываем в состоянии мира. Все солдаты, имеющие хоть какой-нибудь военный опыт, или мертвы, или одряхлели. Те, кто был набран в последнее время, не имеют представления о настоящей войне. В мирные годы их снабжали всем необходимым, и они стали заносчивыми и нерадивыми. Когда они становятся в караул, им нужны кули, чтобы нести их постельные принадлежности, тогда как те, что служат в столице, нанимают людей, чтобы транспортировать для них хлеб».

Несколько позднее, в период 1054—1064 гг., главный цензор Фань Чжэн писал: «На деле кидане не совершали набегов в южном направлении вот уже свыше 50 лет. Почему? Потому, что для них гораздо выгоднее продолжать получение предоставляемых нами в качестве дани богатых подарков деньгами и шелком и сохранять мир. Но предположим, что они решат напасть на нас. В этом случае я беру на себя смелость предсказать, что единственными защитниками наших городов к северу от Желтой реки окажутся женщины и девушки». Не менее красноречиво характеризует постоянную наемную армию известный писатель Су Ши: «Они по большей части стары и дряхлы, не будучи и наполовину столь эффективны, как войска прежних дней. Рекруты набираются по большей части из бездельников, промотавших свои юные годы за вином и шахматами. . . Гражданское население боится солдат, и последние тиранят простой народ».¹

Для того чтобы лучше понять положение, создавшееся в то время на границе Китая, нужно также иметь в виду, что первый император династии Сун, считавший величайшим бедствием для страны ту власть, которую приобрели отдельные провинциальные сатрапы и военачальники корпусов, расположенных на государственной границе, считал необходимым максимально усилить армию в центре, т. е. в Кайфыне, за счет периферии. Это обстоятельство, которое должно было способствовать централизации государственной власти, в то же время привело к значительному ослаблению военной мощи Китая, так как столица была переполнена бездельничающими солдатами, а границы охранялись очень незначительными воинскими частями.

Следует отметить, что для сунского Китая вообще чрезвычайно характерно огромное усиление политического влияния столицы Кайфын. Значительнейшая часть богатства страны, его лучшие культурные и политические силы были сконцентрированы в столице, периферия была обеспокоена и страдала от недостатка способных людей.

Известный доклад Ван Ань-ши 1058 г.,² в котором он рисует положение сунского государства в весьма мрачных красках, особенно заострен на основ-

¹ William s o n, op. cit., vol. II, pp. 186—191.

² Этот замечательный доклад переведен Франке на немецкий язык (O. F r a n k e. Der Bericht Wang Ngan-Schis von 1058 über Reform des Beamtentums. Sitzungsber. d. Preuss Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Klasse, Berlin, 1932, pp. 276—312); Уильямсоном на английский язык (William s o n, ук. соч., т. I, стр. 48—84); имеется также русский перевод.

ной мысли, заключающейся в том, что Китаю нехватает способных руководителей и что важнейшая государственная задача заключается в создании необходимых условий для воспитания талантов.

Уроdlивость общественно-культурной жизни Китая в рассматриваемый период заключалась именно в том, что страна билась в тисках безысходных социальных противоречий, приобретающих особенную остроту перед лицом грозившего вторжения внешнего врага, а в то же время небольшая кучка «избранных», владевшая умами общества и создававшая культурные ценности, совершенно отвлекалась и от социального неустройства и от опасности внешнего нашествия. Считалось общепризнанным, что социальный вопрос не должен выдвигаться на передний план и что подлинная наука не может подчиняться «низменным» требованиям утилитаризма. При дворе господствовала атмосфера голой борьбы за власть, причем внутри правящей клики организовались группировки и фракции, готовые превратить каждый пустячный повод в основу для политической борьбы. Каждая из них старалась опорочить другую прикреплением к ней ярлыка «дан», что в настоящее время обозначает политическую партию, а в сунский период употреблялось преимущественно для обозначения тайных группировок. Конфуцианским начетчикам удалось в этот период оттеснить на задний план евнухов, даосских монахов, чародеев, игравших по своему произволу при династии Тан престолом, но, как видно из только что сказанного, это отнюдь не привело к радикальному улучшению положения.

Наибольшего расцвета при династии Сун достигла философия (главным образом натурфилософия в космогонической форме), впервые получившая тогда свое теперешнее наименование. По словам французского китаевода Легалля, начиная с первых лет XI в., исключительный творческий порыв проявился в китайской литературе. Все ее отрасли одновременно приняли участие в этом ренессансе. Историографы, поэты, философы, комментаторы и ученые критики появились в большом числе.¹ Буржуазная синология обычно отмечает, что именно сунская эпоха привела к новому грандиозному синтезу достижений философской мысли за несколько веков. В темные и беспокойные дни династии Сун, говорит Вгисе, «китайская метафизическая мысль принесла свой богатейший урожай». Возникла так называемая сунская школа конфуцианства (неоконфуцианство). Писания этих ученых «кристаллизовали мысли веков в систему, которая с тех пор неизменно господствовала над китайской идеологией, окрашивая умственный облик наиболее невежественного крестьянина не менее реально, чем ученого эрудита». Неоконфуцианство превратилось в установившийся ортодоксальный культ для всей страны, продолжавшийся не менее семи веков.² В области науки сунский период характеризуется преимущественно как век собирания и систематизации,³ в отличие от предшествующего танского периода, шедшего по пути отдельных проявлений научного творчества без их единого синтеза. При сунской династии создаются крупные каталоги и энциклопедии.⁴ Высшего подъема синтез достиг уже за пределами рассматриваемой эпохи, в XII в., когда была создана новая система философии

¹ Le P. Stanislas Le G a l l S. J. Le philosophe Tchou Hi, sa doctrine, son influence. Changhai, 1894, p. 3.

² J. Percy Bruce. Chu Hsi and his Masters. An Introduction to Chu Hsi and the Sung School of Chinese Philosophy. London, 1923, pp. 7—13.

³ K r a u s e, ук. соч., стр. 156.

⁴ R. Wilhelm. Ostasien. Werden u. Wandel des chinesischen Kulturkreises. 1928, p. 99.

и морали, настолько отличная от первоначального конфуцианства, что ее окрестили по имени автора — «чжусианством».¹

Официальная китайская наука выделяет в области философии XI и XII вв. пять философов (у-цзы), с именами которых связывают формирование философской мысли того времени. Это — Чжоу Дунь-и, братья Чэны, Чжан Цай и Чжу Си. Наряду с ними можно поставить еще и предтечу всей этой философской школы Шао Юна, родившегося в 1011 г. в провинции Чжили (нын. Хэбэй).

Одним из величайших философов того времени был Чжоу Дунь-и, которого новейший его биограф описывает как человека, склонного к спокойной ученой идиллии на лоне природы, вдали от политики данного дня, погруженного в задачу личного самоусовершенствования и ставящего себе задачей служить образцом для окружающих своей просвещенностью. Это стремление уйти подальше от жизни, чтобы погрузиться в мир своих внутренних ощущений, было само по себе довольно далеким отходом от чистого конфуцианства.² В нем проявилась тенденция эпохи — увлекаться мистикой буддизма и даосизма. Эта тенденция, в частности, нашла себе выражение в увлечении философов сунского периода «Книгой перемен» (И-цзин).³

Наряду с пятью философами следует отметить в качестве выдающихся представителей общественной мысли того времени известного историка Сыма Гуана, столпа консервативной школы и важнейшего противника реформ Ван Ань-ши, а также двух братьев Су, из которых один — Су Чжэ — был политическим деятелем, а другой — Су Ши — знаменитым поэтом, автором замечательных новелл, ярко окрашенных романтическим субъективизмом. Вся эта плеяда мыслителей была проникнута одной реакционно-охранительной тенденцией, столь характерной для сунского периода до появления Ван Ань-ши.

Большую роль играют в рассматриваемый период религиозные предрассудки и суеверия. Первые проповедники буддизма в Китае появляются, как известно, еще до начала нашей эры. В Китае буддизм обладал широко разветвленной организацией в виде, главным образом, многочисленных монастырей. Сунские императоры были несколько менее склонны к буддизму, чем предшествовавшая танская династия,⁴ но все же и при династии Сун имели место неоднократные приезды в страну представителей буддийской церкви. Жэнь Цзун сделал попытку в 1035 г. усилить распространение санскритской литературы, назначив специально для ее изучения 50 молодых людей. Сообщается также о путешествии 157 китайских бонз (с разрешения императора) в Индию для получения буддийских книг. Приезжавшие из Японии в сунский период послы были почти все монахами.⁵ Китайские императоры этого времени колебались между конфуцианством и буддизмом. Буддизм привлекал их пышным ритуалом, усили-

¹ Wilhelm. Kulturgeschichte. . . , p. 248.

² Ярким примером мировоззрения, раздвоившегося между конфуцианством и буддизмом, может также служить известный поэт Сыкун Ту, живший на рубеже танского периода и периода 5 династий. Акад. В. М. Алексеев удачно характеризует в нем сочетание «зачарованного даоса и верующего буддиста, человека вне мира, полного религиозного искания» с «сухим резонером-конфуцианцем, рассматривающим религиозную материю сквозь скептические очки государственной правомерности и как бы иронизирующим над ней» (В. М. Алексеев. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту, 837—908, Пгр., 1916, стр. 093).

³ Werner Eichhorn. Chou Tun I. Ein chinesisches Gelehrtenleben aus dem XI. Jahrhundert. Leipzig, 1936, p. 9.

⁴ Приверженность ее к буддизму вошла в Китае в поговорку.

⁵ J. Edkins. Chinese Buddhism. London, popular edition, pp. 137, 144 sq.

вавшим в глазах народных масс ореол императорской власти. Поэтому (особенно в начале периода) императоры усиленно играли на религиозных суевериях. Несколько раз были найдены «небесные книги»,¹ для хранения которых строились специальные храмы. В 1019 г. во дворце был созван совет даосов и буддистов, на который явилось свыше 10 тыс. приглашенных. Ко двору имели около этого же времени доступ шаманки «У-ши», якобы извлекавшие из-под земли черепахи и змей. Они причисляли себя к секте даосов. Среди высших аристократических кругов того времени заметно было также необыкновенное увлечение алхимией. Поиски китайской алхимии, в отличие от европейской, были направлены не столько на открытие рецептов получения золота, сколько на изобретение способов составления «жизненного эликсира», дающего вкушившему его бессмертие. Известно, что были даже случаи смерти императоров от вкушения «жизненного эликсира».²

В сунский период буддийская и даосская религии были большой социальной силой. В их руках были сосредоточены многочисленные монастыри. Церковь скупала у неимущих крестьян земли и закабаляла непосредственных производителей. Она широко занималась ростовщическими операциями. Лишь очень немногие писатели того времени рисковали выступать открыто против буддизма. Один из них Ли Гоу суммировал вред монашества в следующих десяти пунктах: 1) крестьяне питают и одевают монахов, а последние сами не работают; 2) монахи холосты и предаются пороку; 3) они уклоняются от принудительных работ; 4) миряне расходуют на них свои деньги; 5) никто из них не поддерживает членов своих семейств; 6) монахи захватывают поля и горы; 7) для постройки монастырей они отнимают у крестьян время; 8) они гонят вверх цены на строительные материалы, тогда как у народа нет даже хижин; 9) роскошь в их обиходе приводит к развиту соответствующего ремесла и торговли; 10) лентяи и негодяи находят у них прибежище.³

Как сказано, только очень немногие представители духовной культуры того времени рисковали выступать против религиозных увлечений своей эпохи. Этой решительной антирелигиозной тенденцией были проникнуты лишь выступления Ли Гоу, Ван Ань-ши и Оуян Сю, которых современный известный китайский ученый Ху Ши объединяет под именем «цзянсийской школы». По словам Ху Ши, «Оуян Сю имел великое мужество сомневаться в старине ради настоящего. Ли Гоу имел великое мужество отстаивать начало материальной выгоды, отстаивать человеческие действия. По сравнению с Оуян Сю это означает еще более значительный шаг вперед. Впоследствии слова Ван Ань-ши „не следует бояться небесных знамений, не следует подражать предкам, не следует обращать внимание на человеческие слова“ были конкретным выражением (идеологии) цзянсийской группировки».⁴

Выше было уже объяснено, что сложная историческая обстановка, требовавшая решительных мер по укреплению государства, а также обострение социальных противоречий выдвинули во второй половине XI в. крупного реформатора в лице Ван Ань-ши. Деятельность последнего подвергалась неоднократно освещению в европейской исторической лите-

¹ J. C. Ferguson. Political Parties of the Northern Sung Dynasty. J. N. Ch. B. R. A. S., 1927, p. 55.

² Wilhelm. Kulturgeschichte. . . , p. 266.

³ Balazs, op. cit. Sinica, стр. 167 (прим.).

⁴ Ху Ши, Собр. соч., т. II (Ху-ши-вень-цунь-эр-цзи). Замечания по поводу учения Ли Гоу, стр. 59—60.

ратуре, начиная с середины XVIII в.¹ Можно наметить три основных направления в оценке реформаторской деятельности Ван Ань-ши: одни авторы отстаивают ту точку зрения, что он воплотил в себе своеобразный «китайский коммунизм XI в.» и что наиболее существенной чертой его реформ было стремление осуществить национализацию земли; другие изображают его государственным социалистом, проявлявшим склонность забрать в руки правительства основные рычаги воздействия на частный рынок; третьи находят в нем сходство с представителями либеральной мысли.

Наибольший интерес представляет первое из этих трех течений. Еще в середине XIX в. обозначилась тенденция со стороны отцов-миссионеров, бывших главными представителями китаеведения в этот период, изображать Ван Ань-ши как своего рода революционное пугало, как человека, «одержимого» крайними социалистическими идеями. Больше всех поусердствовал в этом отношении известный патер Хюк.² Принципы политики Ван Ань-ши формулируются Хюком в следующих основных положениях: «Чтобы устранить притеснение человека человеком, государство должно овладеть всеми ресурсами империи и стать единственным хозяином и нанимателем. Государство должно взять в свои руки целиком торговлю, промышленность и сельское хозяйство». Ван Ань-ши ввел, по словам Хюка, обложение одних только состоятельных людей, причем особые трибуналы решали, кого причислить к беднякам, кого — к богачам. За счет собранных сумм должны были обеспечиваться пауперы и безработные. Далее Ван Ань-ши приписывается отобрание всей земли у частных владельцев в казну и наделение ею крестьян опять-таки через особые трибуналы.

Интересно, что трудами миссионеров середины XIX в. воспользовался известный географ Элизе Реклю, по убеждениям анархист и горячий противник государственного вмешательства в общественно-политическую жизнь, для того чтобы попытаться скомпрометировать самую идею национализации.³ Сочинению Реклю пришлось сыграть своеобразную роль в дискуссии об аграрной программе РСДРП перед 4-м объединительным съездом в Стокгольме. Как известно, еще на Таммерфорсской конференции в конце 1905 г. и затем на 4-м объединительном съезде большевики выдвинули программу национализации земли. Плеханов, который выступил против Ленина в этом вопросе еще перед вторым съездом партии,⁴ борясь против идеи национализации, пустил в качестве «тяжелого оружия» заимствованный им у Реклю аргумент относительно неудачи Ван Ань-ши в проведении национализации земли в Китае. Плеханов прекрасно понимал, что «история попытки Ван Ань-ши (у Плеханова написано: Ван-ган-че. — В. Ш.) рассказана, как видно, с целью привести новый довод против будто бы государственного социализма международной социал-демократии».⁵ Однако,

¹ О. Franke (Staatssozialistische Versuche etc., стр. 232) указывает, что первые упоминания о Ван Ань-ши и первые переводы его сочинений содержатся в известном труде Дюгеальда.

² См. перепечатку выдержек из работы Хюка под названием: «Communism in China in the XI Century» (London, 1927).

³ Elisée Reclus. Nouvelle géographie universelle, VII, L'Asie orientale. Paris, 1882, pp. 577—578.

⁴ «... Ленину принадлежит в программе партии и вся аграрная часть этой программы. Ленин уже тогда стоял за национализацию земли, но на первом этапе борьбы он считал необходимым выдвинуть требование возвращения крестьянам „отрезков“, т. е. тех земель, которые помещики при „освобождении“ крестьян отрезали от крестьянских земель. Против национализации земли выступал Плеханов» [История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 38].

⁵ Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа. К аграрному вопросу в России, № 5, февраль 1906, стр. 12.

сам поддаваясь на удочку Реклю, он все же пытался использовать Ван Ань-ши как аргумент против чрезмерного усиления правительства, против превращения его в Левиафана, и закончил свое суждение по вопросу о национализации земли возгласом: «нам не нужно китайщины».¹

Как было отмечено В. И. Лениным в работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», аргументация Плеханова в отношении национализации земли отличалась исключительной натянутостью. Ленин при этом называет Ван Ань-ши «китайским преобразователем XI века». Ленин убедительно доказывает нелепость сопоставления России XX в. с Китаем XI в.: «Если бы Россию XX века можно было сравнить с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России».² Стоит отметить, что, повидимому, со слов Плеханова, Ван Ань-ши сделался еще известным черносотенному депутату В. В. Шульгину, который с трибуны 2-й Государственной думы разразился целой тирадой по адресу Ван Ань-ши, имя которого, впрочем, он забыл и деятельность которого отнес к XII, а не XI в. «Шульгин ссылается — не говорит только, не по «Дневнику» ли Плеханова — на Китай 12-го века, на печальный результат китайского эксперимента с национализацией».³

Успехи китайской исторической науки за последнее десятилетие не дают возможности в настоящее время поддерживать версию о том, что Ван Ань-ши якобы осуществил в широком масштабе национализацию земли. Наоборот, как уже сказано, важнейшей причиной провала всей деятельности Ван Ань-ши следует считать то, что его программа радикальных мероприятий не опиралась на коренную перестройку аграрных отношений. Буржуазная синологическая литература Запада предпочитает теперь изображать Ван Ань-ши как представителя политики государственного социализма, стремившегося рядом практических мероприятий усилить экономическую позицию правительства на рынке и захватить в свои руки как бы экономическую диктатуру. Эту тенденцию особенно подчеркивают Франке и Уильямсон. Нужно сразу отметить, что тенденция к регулированию рынка, несомненно, у Ван Ань-ши имелась, но, конечно, о «государственном социализме» в его политике не может быть и речи. Реформы Ван Ань-ши проводились в обстановке феодального государства, и поэтому его стремления усилить роль правительственной власти в экономике страны в гораздо большей мере родственны тому направлению, которое в европейской истории называется меркантилизмом, чем государственному социализму.

Некоторые современные исследователи предпочитают изображать Ван Ань-ши как представителя либерального направления, считая, что он предвосхитил на 8½ веков деятельность известного китайского реформатора конца XIX в. — Кан Ю-вэя.⁴ Фергюсон, например, подчеркивает, что «Ван Ань-ши не был ни революционером, ни радикалом. . .». Фергюсон считает, что в лице Ван Ань-ши потерпел поражение либерализм, боровшийся против упорной консервативной традиции китайской истории. Стабилизация, единообразие и инерция царят в Китае со времени триумфа противников Ван Ань-ши. «Можно только представить себе, чем бы стал Китай, если бы либеральной политике Ван Ань-ши дано было развиваться

¹ Там же, стр. 15.

² В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 64 (прим.).

³ Там же, т. XI, стр. 454.

⁴ F r a n k e. Der Bericht Wang Ngan Schis... p. 369.

до естественных своих пределов».¹ Примерно так же трактует реформы Ван Ань-ши Р. Вильгельм.²

Ван Ань-ши является одним из наиболее привлекательных образов, завещанных нам китайской историей. Его цельная натура выделялась из массы его современников большой моральной выдержкой и непреклонной волей. Будучи пламенным патриотом, он вместе с тем был проникнут глубокой искренней любовью к народу. «Ван Ань-ши был человеком глубокой мысли и широких симпатий. Он принадлежал к утилитарной школе, но его сердце было на стороне страдающего народа. Его моральный энтузиазм никогда не изменял ему перед лицом враждебной критики, и он работал непрестанно для блага своего народа».³ Однако Ван Ань-ши не понимал того, что проведение подлинно народной программы государственных реформ возможно лишь в том случае, если оно осуществляется не только для народа, но и через народ.

Реформаторский пыл настолько владел всем существом Ван Ань-ши, что он подчинил своей политической деятельности всю жизнь. Будучи в начале своей деятельности тесно связан с философской группой, о которой была речь выше, он не поколебался порвать старые связи, отказаться от друзей во имя политической идеи. Как и многие его современники, Ван Ань-ши был многогранным, почти универсальным талантом. Он был прежде всего конфуцианским ученым ортодоксальной школы. Для оправдания своих мероприятий в глазах двора он всегда искал в далеком прошлом корней предлагавшихся им реформ. Все его реформы проникнуты глубоким пониманием жизни и заключают в себе подлинно прогрессивное начало. Даже его лютые враги, отвергавшие с бешеной ненавистью все, что исходило от Ван Ань-ши, лишь бы провалить его реформаторские начинания в целом, кончали обычно признанием жизненности и целесообразности отдельных его законодательных предположений. Ван Ань-ши с одинаковым мастерством писал элегические стихи, намечал основы перестройки всего бюрократического аппарата, комментировал классические книги, настолько обновляя при этом их содержание, что его комментарии получили название «нового толкования» (синь-и), освещал в небольших эссеях исследования важнейших проблем нравственной философии.

Ван Ань-ши происходил из оскудевшего чиновничьего семейства провинции Цзянси, которая была уже при династии Сун и в еще большей мере в последующие века крупным культурным центром Китая.

Ван Ань-ши родился в 1021 г. С юных лет он проявил необыкновенные дарования. Его кисть буквально летала по бумаге. Способности молодого человека обратили на себя внимание ряда ученых и политических деятелей его времени (Оуян Сю и др.). Ван Ань-ши был рекомендован ко двору и после многочисленных отказов от предлагавшихся ему должностей с 1055 г. вступил на путь политической деятельности. Одним из важнейших поворотных пунктов его жизни можно признать представление им императору Жэнь Цзуну замечательного доклада о реформе воспитания талантов, относящегося к 1058 г. Однако с особенной быстротой Ван Ань-ши стал подниматься по ступенькам бюрократической лестницы с вступлением на престол Шэнь Цзуна, с которым он был связан личной дружбой. В 1068 г. началось царствование Шэнь Цзуна, а уже в 1069 г. Ван Ань-ши занял высшую в государстве должность канцлера. С 1068 г. реформы следуют

¹ Ferguson. *Political Parties* . . . , pp. 42—44.

² R. Wilhelm. *Geschichte des chinesischen Kultur*, pp. 256—257.

³ J. C. Ferguson. Wang An-Shih. *J. N. Ch. B. R. A. S.*, XXXV, 1903—1904, pp. 74—75.

одна за другой с какой-то нарочитой поспешностью. Казалось, Ван Ань-ши боялся, что не успеет довести начатое дело до конца, что его оборвут на полуслове. Так и оказалось на самом деле. В 1077 г. Ван Ань-ши выходит в отставку, и хотя потом еще на недолгое время возвращается к власти и хотя его реформы остаются в силе до конца царствования Шэнь Цзуна (1085), но все же последние годы жизни Ван Ань-ши отмечены резким ослаблением его политического влияния. Остаток своих дней Ван Ань-ши провел в изгнании, потеряв любимого сына, и имел возможность видеть, как одно за другим рушились его начинания, которым он отдал лучшую пору своей жизни. Ван Ань-ши скончался в 1086 г.

Характеризуя реформы Ван Ань-ши, следует прежде всего отметить его деятельность, направленную к перестройке экономики страны в целях вырвать монополию извлечения прибылей из рук богатей. Предпосылки для реформ в этом направлении имелись в истории Китая на протяжении многих веков. Для того чтобы избавить широкие массы населения от необходимости переплачивать купцам в годы дороговизны хлеба, китайское правительство рано (еще при династии Хань) вступает на путь создания амбарной системы. Амбары превратились в центры довольно разнообразной торговой деятельности казны. Кроме хлеба, они стали покупать и продавать шелковые материи, железо, соль. При династии Сун они приобретали хлеб для армии в обмен на жемчуг и слоновую кость, а в иных случаях пытались создавать материальные фонды даже за счет продажи чинов и званий. В начале сунского периода отмечается усиленное развитие амбарной системы.

Бюрократический аппарат превращал хлебную торговлю в источник наживы, а право закупки у населения хлеба по твердым ценам иногда вырождалось в массовые реквизиции. Так или иначе Китай подошел довольно близко к системе хлебной монополии и применял ее задолго до того, как подобные идеи стали созреть в Европе.

Казна обладала вышколенным штатом чиновников, превосходно знакомых с условиями производства товаров, причем последние либо облагались налогами, либо непосредственно служили объектами казенной торговли. В руках представителей казны была система транспорта, без использования которой данный товар оставался в крайне ограниченных рамках сбыта. Правительство обзаводилось весьма детальной статистикой и всякого рода коммерческой информацией, облегчавшими ему торговые операции. Еще в танский период выделился государственный деятель Лю Ян, о котором предание передает, что он умудрился организовать столь быструю систему связи, что цены и прочая информация из самых отдаленных пунктов достигали столицы через 4—5 дней.

У Ван Ань-ши мероприятия его предшественников разрослись в всеобъемлющую систему регулирования рынка. Он также стремился к тому, чтобы чиновники на местах искусно использовали положение рынка для максимально выгодной реализации взимаемых с населения сборов в натуральной форме. Наряду с этим предполагалось создать грандиозную систему покупки и продажи казною любых товаров для регулирования рынка. При нежелании владельца того или другого продукта продать его казне, он мог получить ссуду под свой товар или купить в кредит принадлежащие правительству продукты на сумму представляемого им залога. Правда, в значительной части эти грандиозные планы остались на бумаге; однако кое-что было все же проведено в жизнь. По указанию одного китайского автора, система правительственной торговли, проводившаяся Ван Ань-ши, покоилась на сочетании следующих элементов: правительственног

банка, ломбарда и товарной биржи. Биржа, в частности, была открыта в 1076 г. Ей было присвоено право принудительной покупки, и она конкурировала с рыночной торговлей, занимаясь даже продажей льда, кунжута и фруктов.¹

Крупнейшим из этих начинаний Ван Ань-ши, направленных на регулирование рынка с целью облегчения положения масс, является, несомненно, введение им в 1070 г. так называемых займов под «зеленые побеги». Целью этого мероприятия было подорвать ростовщические операции богатеев, при помощи которых они сетью опутывали и душили крестьян. Ван Ань-ши предполагал разорвать эти сети путем предоставления крестьянам из казенных средств сравнительно дешевых займов из 24% годовых. Нужно сказать, что и в этом мероприятии Ван Ань-ши не было, в сущности говоря, ничего радикально нового, так как развитие казенного кредита началось в Китае задолго до Ван Ань-ши. Однако этот казенный кредит был по преимуществу связан кредитными отношениями с купечеством. Ван Ань-ши вступил на путь кредитования народных масс.

Возражения, которые выдвигались против займов под «зеленые побеги», сводились к двум важнейшим. Во-первых, на практике для гарантии возврата предоставленных населению займов проводилась круговая порука. Если крестьянин, получивший заем, уходил из своей деревни, обращаясь к бродяжничеству, за него должны были платить богачи. Другое возражение заключалось в том, что крестьянин, получая сравнительно дешевый по тогдашним временам кредит, соблазнялся получением займа, легко тратил деньги и к моменту возвращения ссуды не имел возможности покрыть ее. Это приводило, таким образом, к сравнительно легкому расточению казенных средств. Несмотря на эти возражения, не подлежит никакому сомнению, что предоставление населению займов из сравнительно низкого процента было благотворительным мероприятием, в значительной мере освобождавшим крестьян от ростовщического гнета.

Две другие меры, проведенные Ван Ань-ши, могут быть поставлены под общую скобку. Это — закон о всеобщей обязательной воинской повинности и замена крепостных повинностей для населения денежными сборами. До Ван Ань-ши в сунском Китае преобладали наемная армия и обязательный труд в качестве казенных повинностей. Ван Ань-ши хотел создать условия отбывания воинской службы всем населением в качестве милиции и в то же время раскрепостить народ от отбывания казенной барщины. Нужно указать, что наемная армия обходилась Китаю чрезвычайно дорого и вместе с тем была, как это указано в начале настоящего очерка, чрезвычайно мало эффективной. По данным китайского ученого Лян Ци-чао, в сунский период военные расходы составляли до $\frac{2}{3}$ всего бюджета. Армия росла с необыкновенной быстротой, поглощая все большее и большее количество государственных средств. Если в начале правления династии Сун она подошла к цифре в 200 тыс. чел., то в середине XI в. (1041) ее состав доходил уже до 1259 тыс. чел.² Опираясь на классиков, Ван Ань-ши хотел восстановить систему всеобщего обучения народа военному делу, и ему удалось добиться того, что к концу его деятельности было зачислено в ряды отбывающих милиционную службу свыше 7 млн. чел. Ван Ань-ши не боялся таким образом разбить цеховую ограниченность армии и перейти к поголовному вооружению народа. Следует сказать, что деятели сунского периода, хотя и с большими оговорками, одобряли эту сторону деятельности Ван Ань-ши.

¹ Chen Huan-Chang. The Economic Principles of Confucius and his School. Columbia University, 1911, p. 567.

² Williamson, op. cit., vol. II, p. 77.

Они боялись лишь, что роспуск кадров постоянной армии может привести к большим беспорядкам, тем более, что значительная часть этих кадров находилась в столице Кайфыне. Однако действительность показала полную необоснованность этих опасений. Ван Ань-ши удалось добиться резкого снижения военных расходов и вместе с тем создать предпосылки для более эффективной защиты страны.

Что же касается отбывания казенных повинностей, то эта система, существовавшая до Ван Ань-ши, была исключительно стеснительной как для широких масс населения, так и для сравнительно состоятельных слоев. Народные массы привлекались к несению повинностей крепостного характера в пользу государства под наблюдением и за ответственностью представителей имущих групп, которые, в свою очередь, мобилизовались для этой цели принудительно. Как многочисленны были формы отбывания повинностей всеми классами населения, видно из следующего красочного перечисления должностей, выполнявшихся в повинностном порядке: повара, домашняя прислуга, гонцы, кули, уборщики, привратники, сторожа, охрана казенного помещения, местная полиция, писцы, рабочие строительного и дорожного дела, слуги по сопровождению транспорта, соби́рание налогов, надзор за местными рынками, даже финансовые и банковские операции — все это входило в круг обязательных повинностей.

Для назначения на те или другие ответственные должности в порядке повинности выдвигались обычно люди с определенным имущественным достатком. Казенные ищейки разъезжали по городам и деревням, заходили буквально в каждый дом и подсчитывали стоимость находившегося в нем имущества. Все достояние привлекаемого к казенной службе в порядке повинностей служило обеспечением убытков, которые могла потерпеть казна вследствие того, что данное лицо могло не справиться с незнакомыми ему обязанностями. В результате многие разорялись и, чтобы избежать неприятного для них назначения, всячески старались скрыть имущество. Реформа Ван Ань-ши в отношении повинностей заключалась в том, что отбывание повинностей натурой было уничтожено и взамен него введены денежные сборы, которые возлагались только на имущие классы. Эти сборы представляют собой ранний суррогат подоходного налога, так как оклад сбора определялся имущественным положением. Специальному учреждению предоставлено было право распределять все имущее население на определенные классы. Трудовой народ этих платежей в казну не производил и, как отмечается источниками, благодаря реформам Ван Ань-ши, бремя народа облегчилось на 80—90%.

Что же касается земельных отношений, то здесь реформаторская деятельность Ван Ань-ши ограничилась, главным образом, кадастровыми записями для более точного выяснения границ и качества почв отдельных земельных участков с целью добиться более равномерного распределения земельного налога. Разумеется, это была полумера, не вызвавшая особенного сочувствия в народных массах. Землеустроительные работы велись при Ван Ань-ши в форме введения так называемых «квадратных полей». Однако такая форма землеустройства отнюдь не была изобретением Ван Ань-ши. Начало ей было положено при Жэнь Цзуне.¹ Кадастровые описи при Ван Ань-ши тянулись много лет подряд, требовали больших расходов со стороны казны и вместе с тем при исключительной склонности чиновников ко взяточничеству отнюдь не привели к желанной цели, так как за деньги помещикам было очень легко добиться неправильных, преуменьшенных сведений о раз-

¹ Lee e, op. cit., p. 279.

мерах их участков, тогда как крестьянам «приписывали» добавочную землю, чтобы увеличить размер податей.¹

Откуда могла, однако, появиться легенда о том, что Ван Ань-ши осуществил национализацию земли, как утверждали миссионеры и как вслед за ними общим хором подхватывали все противники идеи национализации земли? Миссионеры приняли литературные высказывания Ван Ань-ши за реальность. Ван Ань-ши действительно не раз ратовал в своих работах за так называемую «колодезную» систему равномерного распределения земли между крестьянами. Он не был одинок в этом отношении. Китайский историк Тао Си-шэн собрал в одной из своих многочисленных статей мнения политических деятелей сунской эпохи о колодезной системе и показал, что сторонниками «возрождения» колодезной системы явились преимущественно люди, агитировавшие за возврат к старине. Чжан Цзай, бывший одним из убежденнейших противников реформ Ван Ань-ши, сходил, однако, с ним в сочувствии колодезной системе настолько, что на склоне лет своих мечтал приобрести земельный участок, расчертить его правильными квадратами в духе колодезной системы, поселить на них крестьян и таким путем восстановить древность хоть в миниатюре. Один из братьев Чэн (Чэн Хао) также высказывался за колодезную систему.²

В целом реформы Ван Ань-ши, несомненно, заслуживают положительной оценки. Его реформаторская деятельность, прежде всего, была направлена своим острием против разбогатевших кулаков-богачей, державших в своих сетях все крестьянство и бедный люд городов. Ван Ань-ши вместе с тем прекрасно сознавал, что спасти Китай от окончательного развала и завоевания извне может только улучшение материального положения народных масс, на стороне которых были все его симпатии. Он думал достичь этого мерами финансовой политики и, в частности, переложением налогового бремени на плечи имущих классов. Ван Ань-ши вступил на путь раскрепощения трудящихся масс от обязательных повинностей и вообще хотел ослабить гнет крепостничества. Он ясно понимал, что борьба с грозившим стране внешним нашествием должна вестись не наемниками, а всенародным ополчением. К этим историческим заслугам Ван Ань-ши нельзя не прибавить его трезвый позитивизм, чуждый всяких религиозных суеверий, который он не боялся проповедывать открыто. Дело дошло до того, что он пытался внушить императору мысль о том, что между социальной жизнью и небесными знамениями нет никакой связи, что было в глазах придворной клики настоящим кощунством. Наконец, следует отметить, что Ван Ань-ши заботился о народном благосостоянии совсем не потому, что он рассчитывал за счет повышения материального уровня масс улучшить государственный бюджет, как ему приписывалось уже в его время, а мечтал об улучшении участи бедняка ради нее самой. Недаром, возражая с горечью против обвинений, будто его проекты продиктованы только стремлением пополнить казну, Ван Ань-ши противопоставлял себя Сан Хун-яну, известному государственному деятелю ханьских времен. «Если бы мы действовали подобно Сан Хун-яну, единственной целью которого было обогатить частную казну императора, нас можно было бы справедливо именовать „прибыльщиками“». Но в действительности, восстанавливая эту меру, как она завещана нам со времен Чжоу-Гуна (речь идет о займах под „зеленые побеги“), мы единственно озабочены тем, чтобы помочь беднякам и подавить богачей. Обогащение государственного сундука не входит в наши расчеты, так что шельмо-

¹ Edkins, ук. соч., стр. 125.

² Тао Си-шэн. Мнения некоторых мыслителей (периода) северной династии Сун о колодезной системе. Ши-хо-бань-юе кань от 16 августа 1935 г., стр. 281 сл.

вать эту меру, как продиктованную корыстью, совершенно неосновательно».¹

И все же, несмотря на все эти прогрессивные начала, заложенные в основе реформаторской деятельности Ван Ань-ши, его реформы не увенчались успехом. Ван Ань-ши боролся с последствиями феодальной эксплуатации, не понимая, что устранить их можно только путем ликвидации феодальных аграрных отношений в китайской деревне. Нужно было разрубить гордиев узел ликвидацией помещичьего землевладения. Ван Ань-ши не рискнул вступить на этот путь, хотя и мечтал о восстановлении равномерного наделения землей. Поэтому все реформаторские построения Ван Ань-ши при всем их радикальном и прогрессивном характере все же имеют некоторый налет утопизма.

¹ Williamson, *op. cit.*, vol. I, pp. 159—160.